Евгений
БАРАНОВ

МОСКОВСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Про этого Брюса мало ли рассказывают! Всего и не упомнить. Я еще когда мальчишкой был, слышал про него, да и теперь, случается, говорят. А был он ученый – волшебством занимался и все знал: и насчет месяца, солнца, и по звездам умел судьбу человека предсказать. Наставит на небо подзорную трубу, посмотрит, потом развернет свои книги и скажет, что с тобой будет. И как скажет, так и выйдет точка в точку. А вот про себя ничего не мог узнать. И сколько ни смотрел на звезды, сколько ни читал свои книги – ничего не выходит…»

- Евгений Захарович Баранов
  - Брюс и вечные часы
  - Как Брюс из старого человека молодого сделал
  - Брюсовы чудеса
  - Смерть Брюса
  - Брюс и Петр Великий
  - Как Брюс с царем поссорился
  - Брюс и волшебная наука

Евгений Захарович Баранов
Легенды о графе Брюсе

Брюс и вечные часы

Про этого Брюса мало ли рассказывают! Всего и не упомнить. Я еще когда мальчишкой был, слышал про него, да и теперь, случается, говорят. А был он ученый – волшебством занимался и все знал: и насчет месяца, солнца, и по звездам умел судьбу человека предсказать. Наставит на небо подзорную трубу, посмотрит, потом развернет свои книги и скажет, что с тобой будет. И как скажет, так и выйдет точка в точку. А вот про себя ничего не мог узнать. И сколько ни смотрел на звезды, сколько ни читал свои книги – ничего не выходит.

– Вижу, говорит, один туман.

Ну, все-таки хотел добиться. Мучился-мучился, да уж потом откровение во сне ему было. Сам рассказывал.

– Приходит, говорит, неизвестный старец и пальцем погрозил:

– Ты, говорит, сверх меры хочешь захватить. А ты, говорит, будь тем доволен, что тебе дано. А ежели, говорит, будешь пытать сверх указанного, все отымется и будешь ты наподобие пня или чурбана…

Ну, он после этого и остыл…

Ладно, говорит, что будет, то будет…

А про других хорошо узнавал. Вот и насчет погоды… Ведь это он календарь составил, все распределил по дням, по месяцам, по годам… Вот потому-то и называется «Брюсов календарь». А в отношении погоды брал он от птиц, животных… и от природы брал – от зари, облаков. Взять хоть воробья. Ну, какая из него птица? Ни пения, ни красоты… щелкни его по башке, он и подохнет… А ведь как погоду предсказывает! Ежели назавтра вёдро, так он тут и давай прыгать «жив-жив» и весь такой пушистый станет. А ежели к дождю, то молчит, насупится. Тоже и ворона… Ну, эта как закаркала, то обязательно дождь или снег пойдет. От этого чорта не жди ясного дня…

Вот Брюс и примечал все. Да тут много из своей головы брал. Но только не в календаре дело, а тут все больше по волшебству он работал, тоже вот и машины выдумывал. И, жил он при Петре Первом, Петре Великом. В Сухаревой башне ему помещение было отведено, там и составлял разные порошки, составы. Книги у него редкостные были, вот из них-то он и брал. Конечно, без ума не возьмешь, а у него ум обширный был.

Ну, всего не упомнишь, что он повыдумал. А вот насчет вечных часов я знаю хорошо, это помню, как все дело произошло. И трудился он долго, может, лет десять, а все-таки выдумал. И

такие часы выдумал, что раз завел их – на вечные времена пошли без остановки. И как завел он их – ключ в Москву-реку забросил. И как был жив Петр Первый и Брюс был жив, то часы шли в полной исправности. Из-за границы приезжали, осматривали. Хотели купить, только Петр не согласился.

– Я, говорит, не дурак, чтобы брюсовские часы продавать. Ну, те и утерлись, – отъехали ни с чем.

Ну, значит, при Петре и при Брюсе ходили часы. А стала царицей Екатерина, тут и пришел им конец. Конечно, затея глупая, женская.

– Мне, говорит, желательно, чтобы ровно в двенадцать часов дня из нутра часов солдат с ружьем выбегал и кричал:

– Здравия желаем, Ваше Величество!

Это вроде как раньше были часы с кукушкой: «дон… ку-ку… дон…ку-ку…». А то еще с перепелом: «Пить пойдем… пить пойдем…» Так это что же? Это штука не мудреная, это кто знает – может устроить, тут такой механизм. А вечные часы для этого не годятся, они не для того сделаны, чтобы на птичьи голоса выкрикивать или чтобы солдаты с ружьем выбегали… Они для вечности сделаны, чтобы шли и чтобы веку им не было. А Екатерина в этом деле ничего не смыслила. Она так полагала: постучат молотком и готово дело. Ну, а вразумить-то ее некому было. Министры эти – «слушаем, говорят, все исполнено будет». Тоже – ветер в голове погуливал. Ну как можно так говорить, ежели не знать механизма? Они думали: стоит только сказать, и все готово будет. И приказали привести самого лучшего мастера. Вот разыскали немца. Пришел и только глянул на часы, а уж говорит:

– Можно. Но только, говорит, я меньше пяти тысяч не возьму, и чтобы мне квартира при дворце и чтобы харчи первоклассные.

А министры говорят:

– Все будет, делай.

Вот и начал немец делать. Осмотрел часы.

– Дурацкая, говорит, работа. Это, говорит, дурак делал.

Ну ладно, пусть будет дурак. Посмотрим, как ты, умная голова, станешь делать…

Вот он разобрал часы и начал мудрить. Дня три проработал – ничего не выходит. Приходят министры.

– Сделал, спрашивают, солдата?

А немец сердится:

– Я, говорит, не волшебник, чтобы в такой короткий срок солдата сделать.

Ну, министры говорят:

– Ладно, делай, не станем мешать, – и пошли…

А немцу не везет: никак не может потрафить в точку. Не спорится дело… Начал по-своему механизм переделывать. А толку нет. Кушанье каждый день хорошее: курятина, поросятина, индюшатина, разные там супы да макароны. Ну, и вина вдоволь. Вот прошел месяц, идет сама Екатерина.

– Ну что, сделал? – спрашивает.

Тут немец и признался:

– Никак, говорит, не могу поставить на точку зрения. Вот Екатерина видит, что зря была ее затея и говорит:

– Не надо делать солдата, собери часы, как они были.

– Это можно, – говорит немец.

А какое там «можно»! Три недели собирал и ничего не вышло. А потому и не вышло, что он брюсовские пружины изломал, винты изломал, колеса искалечил, маятник тоже испортил. А которые сам сделал пружины – они не годятся, ломаются. Видят министры: не выходит у немца дело. Докладывают царице.

– В шею, говорит, немца, а найдите такого, который мог бы собрать часы.

Вот взяли немца за рукав, вывели за ворота, да и дали по шее. Он и полетел торчмя головой. После того многие мастера приходили. Посмотрят, понюхают и отворотят морду, не по зубам кушанье. Но все же отыскался один такой русский разудалый молодец – у хозяина в подмастерьях служил. И взял он на себя такую отвагу, чтобы часы в полный порядок привести.

– Все, говорит, в лучшем виде исполню, только чтобы мне награда царская была и чтобы харчи хорошие.

Министры и рады:

– Все будет, и награду деньгами дадим, и золотую медаль, только собери часы. А насчет харча, говорят, не беспокойся.

Вот и принялся тот мастер работать. И стучит, и гремит, и пилит, и молоточном пристукивает, и припаивает, и меха у него горят – жар раздувают… И на весь дворец напустил дыму, копоти этой. Вот приходят министры. Видят – суетится человек, работа так и кипит у него.

– Вот, говорят меж собой, мастер так мастер, не сравнять с немцем.

– Ну как? – спрашивают. – Подвигается? А тот и говорит:

– У нас подвинется. Мы, говорит, знаем дело. Тут, говорит, разве такая пружина нужна? А колесо? Нетто это колесо? Это лабуда, а не колесо. А министры одобряют его:

– Это, говорят меж собой, настоящий спец.

Тут сейчас один министр побежал, припер ему бутылку вина.

– Пей, говорит, на доброе здоровье!

Ну, тому это и на руку – высосал всю бутылку. В башке

зашумело, он и давай свою специальность оказывать: чего немец не успел изломать, так он докончил. А министры бегут к царице:

– Так и так, докладывают, очень хорошего мастера мы отыскали: работа так и кипит. Часы скоро готовы будут.

Царица и рада.

– Ну, и слава Богу, – говорит.

А этот «хороший мастер» стучал, стучал молотком, видит: дело не подвигается вперед, и не знает, что тут делать, как тут быть, как тут горю подсобить. По его расчетам дело пустяковое, а примется собирать часы – ничего не выходит. И сам он за этой работой обалдел и стоит истукан-истуканом, на эти винты, гайки да колеса смотрит, бельмы свои вытаращил…

Оно и понятно. Брюс над этими часами 10 лет мозговал, а этот чертогон за месяц захотел в порядок привести их. А главное – не тот состав у него в голове был… У Брюса-то ум какой был? Один на всю Россию… Ну, может Петр Первый превышал его. Да и как сказать? В одном-то деле и превышал, а в другом не доходил… Ну, а у этого похвальбишки какой-такой ум? Глупость одна. А раз в башке нет, из… спины не достанешь: спина есть спина – такой и почет ей. Вот в чем тут дело.

А министрам не терпится, хочется, чтобы он поскорее собрал часы. Идут к нему. А тот уже вделся_, инструменты сложил в сумку – собрался уходить.

– Ну, как? – спрашивают министры.

– Хитра механика! – говорит хваленый мастер. – Тут, говорит, и сам чорт ни чего не поделает, а уж где мне: мое дело маленькое.

Тут министры и приступили к нему:

– А как же, говорят, подлая твоя душа, ты хвалился, что сделаешь?

– А он отвечает: – Что ж из того, что хвалился? Спервоначала, говорит, я думал, что штука тут не важная, а на поверку вышло – не нашего ума это дело.

Тут один министр развернулся – бац его в ухо! Тот и завертелся кубарем. А другой министр вцепился ему в волосья и давай таскать. И принялись они тут вдвоем разделывать своего «спеца»: один за патлы теребит, другой то в ухо засмолит, то по зубам стебанет… И невмочь стало мастеру, и тут заорал он на все горло:

– Караул! Убивают!

И вышел переполох на весь дворец. Бежит царица, бегут генералы:

– Что это такое? – спрашивает царица. – За что бьете мастера?

А министры говорят:

– Его, подлеца, убить мало! Нешто, говорят, это мастер? Это мазурик, он и нас, и вас обманул, с первого раза обнадежил, соберу, мол, часы, а теперь пошел на попятную, «не моего, говорит, ума дело».

– Ну хорошо, – говорит царица. – Я это дело разберу, – и приказала взять мастера под арест.

И посадили этого поганца за решетку. Потом такое определение сделала Екатерина: министров со службы вон, а мастеру дать сто розог. Ну, разложили его степенство и нарисовали ему на спине разгонами_ и маятники, и пружины, и колеса, потом с зашейным маршем проводили из дворца. Так он, словно окаянный, бросился бежать, как будто собака бешеная гналась за ним. И после такой прокламации баста хвалиться, только одно и знал: «наше дело маленькое». Вот как градусник понизился! А то «я» да «мы». А что такое «я»? Прохвост, и больше ничего. Только людям голову морочить можешь. Много таких «спецов» – свиньям хвосты закручивать! А ежели ты не брешешь языком, а с умом дело свое делаешь, то ты и есть настоящий спец. И цена тебе настоящая. Тоже вот и с брюсовскими часами: ну как можно было их разбирать да исправлять, ежели ты ихнее устройство не знаешь? После-то Екатерина каялась, сколько потом выписывала она этих мастеров! Только результату не вышло настоящего. Да и как ему выйти-то? Ведь каждый по-своему крутил, завинчивал, да молотком пристукивал. Ну и докрутились, достучались – все изломали, исковеркали и уж понять нельзя было – часы ли это были или еще какая машина. И лежали, лежали эти пружины да колеса, да и выбросили их, чтобы глаза не мозолили. После-то ученые кинулись их искать, да где найдешь, ежели от них и звания не осталось? Человек столько ума положил, а тут такое хамское обращение. Вот и толкуют: «Брюс», «Брюс»…

Ну, Брюс-то, Брюс, а вот мы-то и не можем ценить его… Ну, что осталось после него? Все изломали, все испакостили. Вот только Сухаревская башня осталась, да, говорят, еще книги. Только говорят, а доподлинно-то никто не знает…

Записано в Москве в августе 1924 г.; рассказывал рабочий-штукатур Егор Степанович Пахомов.

Как Брюс из старого человека молодого сделал

В Сухаревой башне жил этот Брюс. Ну, тут только банки стояли с разными составами да подзорные трубы, а главная мастерская у него была в подземельи – там и работал по ночам. Мастер на все был. Вот раз взял, да и сделал горничную из цветов. Настоящая девушка была: комнату убирала, кофий подавала, только говорить не могла. Приходит царь Петр Великий.

– Хороша, говорит, у тебя служанка, только одно плохо – не говорит. Немая, что ли? – спрашивает.

А Брюс говорит:

– Да ведь она не рожденная. Я, говорит, из цветов ее сделал.

А царь не верит:

– Полно, говорит, зря языком трепать, мыслимое ли это дело?

– Ну, говорит Брюс, смотри!

Вынул из головы служанки булавку, она вся рассыпалась цветами. Царь и смотрит, дескать, что это за чудо такое?

– Как, говорит, ты этого добился?

– Наукой, – говорит Брюс.

– Да ведь наука науке рознь, – говорит царь. – Может, волшебством? Ты, говорит, лучше признайся.

А Брюс ему отвечает:

– Мне, говорит, нечего признаваться. Вот мои книги, вот составы, смотри сам.

Посмотрел Петр книги. Видит – книги ученые. А Брюс не все книги показал ему: самые главные по волшебству были спрятаны в подземельи, тринадцать штук. Очень редкие и тогда были, а теперь и не найти. Но Петр все же не поверил ему. А без волшебства тут ничего не поделаешь. Только ведь это не такое волшебство, вроде колдовства. Это в деревне раньше были колдуны. Действительно, попадались знатоки… И так у них заведено было: от отца сыну передавалось, весь род – все колдуны были. Но до Брюса им далеко. Есть и теперь в деревне, только не колдуны, а выдают себя за колдунов, и не от науки действуют, а наобум святого Лазаря. Иной-то дуролом поймает лягушку и примется шилом ей голову колоть.

– Мне, говорит, надобно достать лягушиные мозги, чтобы сделать лягушиное масло.

А для чего, спроси. Он и не скажет – сам не знает. Он слышал звон, да не знает, откуда он. Тут не каждая лягушка годна, а

нужна жаба, да и не мозги ее требуются, а сердце. Положат ее в муравейник, муравьи и объедят ее. Да ведь все с умом надо делать, а не на авось. Тоже вот и травы: надо знать, какая против какой болезни действует. А то дадут тебе такого настоя, что ты на стену полезешь или станешь на людей кидаться. На все надо наука, но только без ума и наука ни к чему.

Тоже вот и Брюс: науки науками, а ум-то у него все разрабатывал. И все доступно было ему. Квартира его была на Мясницкой – жена там жила. И посейчас дом этот цел, гимназия там раньше была. Так вот Брюс сделал вечные часы и замуровал в стену. И до настоящего времени ходят эти часы. Приложишься ухом к стене и слышишь, как стучат: тик-тук… тик-тук… А сверху вделал в стену такую фигуристую доску, а к чему – неизвестно. Ну, думает хозяин, к чему эта доска? Долой ее! Начали выламывать – не поддается. Позвали каменщика. Он стук киркой, а кирка отскочила, да его по башке тоже стук! Каменщик удивляется:

– Что за оказия? – говорит.

Да тут хозяин проговорился.

– Эту, говорит, доску еще Брюс вделал.

Тут каменщик и принялся ругать хозяина.

– Чего же, говорит, ты раньше не сказал мне об этом? Пусть, говорит, чорт выламывает эту доску, а не я! – и ушел.

Хозяин и приказал закрасить доску. Ну, выкрасили, а ее все еще видно. И вот тут что главное: как быть войне, доска становится красной. Перед японской войной замечали, перед германской… Закрашивали ее сколько раз, она все выступает. А где подъезд – медная доска прибита и на ней какие-то буквы вырезаны, и тоже неизвестно для чего. Приходили профессора, смотрели:

– Это, говорят, Брюсова работа, а что означает – ничего, говорят, не можем понять.

А ведь, гляди, недаром же прибита доска?..

Ну, это все не то. А вот как он из старого человека молодого сделал – это, действительно, чудо из чудес… Работал-работал, и добился-таки – выдумал эти составы. Сперва-наперво он над собакой сделал испытание: розыскал старую-престарую собаку, да худющую такую – кости да кожа. Притащил он этого пса в подземелье, изрубил на куски, потом перемыл в трех водах. После того посыпал куски порошком и снова они срослись как следует, по-настоящему. Вот он полил на ту собаку из пузырька каким-то составом, и сейчас из нее получился кобелек месяцев шести. Вскочил на ноги, хвостом замахал и давай вокруг Брюса бесноваться. Известно, малыш: ему бы только поиграться. Тут

Брюс и обрадовался:

– Наше дело на мази! – говорит. – Теперь всех стариков сделаю молодыми, пусть живут.

А этот кобелек так и остался при нем; как вечер, сейчас взберется наверх и поднимет брех: тяв-тяв… тяв-тяв…

А народ, который мимо идет, поскорее бежать: думает, что это Брюс собакой обернулся и свою башню сторожит. Понятно, не знали, в чем тут дело.

Вот приходит к нему царь Петр и говорит:

– Где ты достал такого славного кобелька? А Брюс говорит:

– Это я его из старой собаки переделал.

– Как так? – спрашивает царь.

Брюс все рассказал ему, а царь не верит.

– Ну, хорошо, – говорит Брюс, – приведи ко мне самого старого старика; я из него сделаю молодого парня.

Вот царь сделал распоряжение.

Отыскали такого старючего деда, что он и лета свои позабыл считать и ходить не может, не слышит ничего. В носилках притащили его в башню, спустили в подземелье. Вот как царская прислуга ушла, Брюс изрубил в куски старика, перемыл в трех водах, посыпал порошком. Вот видит царь: ползут эти куски один к другому, срастаются. И видит, лежит целый дед… Тут Брюс полил из пузырька, и заместо этого деда поднимается молодой парень. Встал, стоит и смотрит. Тут Петр очень удивился и думает: «Наяву ли я или во сне?» Потом приказывает выгнать этого парня. Брюс и выпроводил его, ну, может, дал ему рублишко-другой… Потом натравил на него кобелька. Как принялся кобелек за икры хватать, так этот парень, точно полоумный, бросился бежать.

После этого Петр и говорит:

– А ты брось свою затею, чтобы из стариков делать молодых.

– А почему бросить? – спрашивает Брюс.

– По этому, по самому, – говорит Петр, – что из этого кроме греха ничего не выйдет. Ведь если переделать стариков на молодых, тогда и смерти не будет человеку.

И как, говорит, тогда жить? Ведь ежели теперь люди грызутся, то тогда, говорит, за каждый вершок земли станут резаться. А с человека довольно и той жизни, какая ему определена. Ты, – говорит, – уничтожь эти порошки и составы и больше не занимайся этаким делом.

Брюс послушался, уничтожил. Только он тут другую штуку придумал: сделал из стальных планок и пружин огромаднейшего орла. Сядет на него верхом, придавит пружинку, орел и полетит. И сколько раз летал над Москвой. Народ и высыпет, задерет

голову и смотрит. Только полицмейстер ходил к царю жаловаться на Брюса.

– Первое, говорит, от народу нет ни прохода, ни проезда. А второе, говорит, приманка для воров: народ, говорит, кинется на Брюсова орла смотреть, а воры квартиры очищают…

Ну, царь дал распоряжение, чтобы Брюс по ночам летал. А говорят, не знаю, правда ли, что нынешние аэропланы по Брюсовым чертежам сделаны. Будто профессор один отыскал эти самые чертежи. И будто писали об этом в газетах…

Но только долетался Брюс на своем орле. Полетел раз и не вернулся: унес его орел, а куда – никто не знает. Царь жалел его:

– Такого, говорит, Брюса больше у меня не будет. И верно, не было ни одного такого ученого.

Рассказывал в Москве в марте 1923 г. маляр Василий. Фамилия его мне неизвестна; рассказ происходил в чайной «Низок» на Арбатской площади, за общим столом.

Брюсовы чудеса

Брюс астроном был. У него на Сухаревской башне подзорные трубы стояли – по ночам смотрел на звезды, изучал. Это он определил, когда затмению солнца быть, когда луне… Он и календарь составил. Только все же главное занятие его – волшебство. Книги у него были очень редкие, древние. Ищут их теперь, только зря: они уже давно в Германии. Еще как только он помер, кинулись искать деньги, а у него денег-то всего-навсего сотня рублей была. Они же думали – у него миллионы имеются. Ну, взяли эту сотню, а на книги внимания не обращают – разбросали по полу бумаги, планы, топчут… Ну, не все же были тут вислоухие, нашелся один умный человек – немец, забрал книги, рукописания и гойда в Германию. Вот теперь эти аэропланы, телефоны, телеграфы – все по бумагам Брюса сделаны, по его планам и чертежам. Он дорожку первый проделал, а там уж нетрудно было разработать. Да и то сколько лет возились – все не выходило: в голове не хватало. Что Брюс один сделал, то сотня самых ученых профессоров разрабатывала. Башка не та! Теперь эти профессора, эти разные механики, разные спецы, техники, инженеры нос кверху задирают: «Мы сделали». – Вы? А кто дорогу вам показал? Откуда вы взяли программу? Зачем вы над брюсовскими бумагами свои головы ломали? К чему это вам понадобились Брюсовы книги и вы, как угорелые, мечетесь по всей Москве, ищете их? «Мы, говорят, от природы берем». А Брюс откуда брал? Не из чорта же лохматого брал, а тоже из природы. Ведь ежели не будет природы, то и ничего не будет. «Природа»! Ты вот ее сумей взять!

Тогда еще царь Петр был… И раз спрашивает:

– А скажи, говорит, Брюс, как на твое мнение: природа одолеет человека или человек природу?

А Брюс отвечает:

– Это глядя по человеку.

– Как так? – спрашивает Петр.

Тут Брюс выломал из улья сот меду и спрашивает:

– Знаешь, что это за штука?

– Мед, – говорит Петр.

– А как он делается, знаешь? – спрашивает Брюс.

– Да как? – говорит Петр. – Пчела летает по цветам, по травам, высасывает сладкий сок и несет в улей.

– Это ты правильно объясняешь, – говорит Брюс. – Ну а между прочим, и муха умеет высасывать сок, только отчего, говорит, ни сота не сделает, ни меда не принесет?

– Муха, – говорит Петр, – не работает, она жрет и пакостит.

– Ну, а муравьи? – спрашивает Брюс. – Ведь они только и знают, что работать, – этакие-то домины себе выбухивают. А какая от этого польза? А ведь тоже, говорит, мастера они вытягивать сладкий сок: брось им окурок – и нос завернут, а брось кусок сахару – то откуда только их, чертей, наберется – живо сожрут, только не сделают ни сахару, ни меду… Действительно, говорит, если их набить полну бутылку и поставить в вольный дух, то получится муравьиный спирт – от ревматизма хорошо помогает. Но только, говорит, и паук одобряет мух – вкусная пища для него.

Вот какую загадку загадал он Петру. Только Петр был башковитый.

– А это, говорит, вот отчего: ежели, говорит, пчела берет сок, то обрабатывает его: что нужно – тащит в сот, а что не нужно – бросает. А муравей и муха, хоть и высасывает сок, да не могут обработать его и жрут целиком.

– А почему не могут? – спрашивают Брюс.

– Потому не могут, – говорит Петр, – что им этого не дано.

Тогда Брюс и говорит:

– То же самое и с человеком. Дано ему – он одолеет природу, а не дано – не одолеет. Тут хоть сто лет трудись – толку не будет. Тут, говорит, важно, чтобы котелок твой варил, да и было бы чем варить.

Вот как он разъяснил «от природы берем». Она тому и дает, кто умеет варить.

Вот тот же Брюс сделал из цветов девушку: и ходила, и комнату убирала, только говорить не могла. Правда, долго работал, но все же сделал. Вот один граф увидел ее и полюбил – красавица была. Ну, знал, что она не может говорить, только так рассуждал, что и с немой можно жить. И пристал к Брюсу:

– Выдай замуж за меня свою девицу.

А Брюс отвечает:

– Да ведь она искусственная!

Граф не верит, пристал как банный лист к спине:

– Отдай, говорит, не то жизни лишусь и записку оставлю, что это ты меня до точки довел.

Ну, что с дураком делать? Взял Брюс из головы девушки шпинек – она вся и рассыпалась цветами. Тут граф испугался и кинулся бежать.

– Ну, говорит, к чорту его, этого Брюса! Он, говорит, еще возьмет, да превратит меня в медведя или волка! – И после того и близко к Брюсу не подходил.

А то еще и так бывало: среди лета, в самую жару, идет дождь

и гром гремит… Вот Брюс выйдет на свою башню и давай разбрасывать направо, налево какой-то состав. И вот на тебе: валит снег! Молния сверкает, гром гремит, а снег сыплет и сыплет. Вся Москва в снегу! Форменная зима: снег на крышах, снег на земле, снег на деревьях… А гром гремит. Ну, известно, народ всполошится, испугается:

– Что это за чудо? – говорит.

Выбежит на улицу, видит – Брюс стоит на башне и хохочет. Ну, тут народ и поймет, что это его работа и примется ругать его, потому что для овощи вред от того снега. Только не долго снег лежал – час, не больше, ну, от силы два…

А вот дождь Брюс не мог остановить. Петр спрашивал его насчет этого.

– Нет, говорит, это невозможно. Я, говорит, все испробовал: что можно, то де лаю, а чего нельзя, то и не пытаю.

Тоже вот – не понимал он птичьего языка. Ученый, волшебник и все такое, а вот не знал. Это только одному царю Соломону премудрому дано было. Тот знал. Но ведь Соломон – совсем другое дело: тот мудрец был, а волшебство ему ни к чему было. Соломон от природы такой был, а Брюс умом и наукой до всего доходил.

Вот не знаю, не могу объяснить, за что Брюс замуровал в стену свою жену. Квартировал он на Разгуляе. Дом этот и теперь еще цел, гимназия раньше в нем была. И вот говорят, будто в это доме в стене доска вделана. Сколько раз закрашивали, а ее все видно – не принимает краску. И будто в этом месте он замуровал свою жену, а за что, за какую вину – не знаю.

Записывал в Москве в августе 1924 г. Рассказывал в чайной неизвестный мне старик-рабочий.

Смерть Брюса

Пропал Брюс через свою жену и ученика своего: они погубили его. Брюс был старый, а жена молодая, красивая. Ученик тоже старый был. Тут как раз в этому времени Брюс выдумал лекарство… ну такой состав, чтобы старого переделывать в молодого. А еще не пробовал, как он действует: удача будет или неудача? А на ком испытать? Думал, думал… Вот позвал ученика в подземелье. А у него в этом подземельи тайная мастерская была – никого в нее не пускал. И как позвал ученика, взял да и зарезал. Всего на куски изрубил, сложил в кадку, посыпал порошком. А сам рассказал, что будто рассчитал своего ученика, так как он ленивый. И целых девять месяцев в кадке лежали эти куски. Это как женщина носит ребенка девять месяцев, так и тут. Вот на десятый месяц взял он изрубленное тело, вывалил на стол, сложил кусок к куску, как было у живого. Как сложил – сейчас полил составом, куски все срослись. Он взял, из пузырька покапал. И поднялся ученик: был старый, стал молодой.

– Вот, говорит, как я спал долго!

А Брюс говорит:

– Ты спал девять месяцев. Ты, говорит, вновь народился.

– Как так? – спрашивает ученик. Брюс рассказал ему. А тот не верит.

– Это, говорит, белой кобылы сон.

Брюс и говорит:

– Когда не веришь – посмотри в зеркало.

Вот ученик посмотрел в зеркало, видит: совсем молодым стал.

– Это, говорит, такие чудеса, что и сказать нельзя. По наружности, говорит, я молодой, а по уму старый.

Вот Брюс и приказывает ему:

– Ты, говорит, смотри, никому не говори, что я сделал тебя молодым. И жене моей не говори. А рассказывай, что ты у меня новый ученик. Я буду то же говорить.

Потом стал он учить его, как переделывать старого на молодого.

– Это, говорит, для того учу тебя, что сам хочу переделаться на молодого. А когда, говорит, будут спрашивать, где Брюс, говори: уехал, мол, на девять месяцев, а куда – неизвестно. И жене моей не рассказывай про наше дело, а то она по всей Москве разнесет.

И взял с ученика клятву, что все исполнит как следует. И отдал он ученику эти порошки и составы. И после того ученик

зарезал Брюса, на куски изрубил, в кадку положил, порошком засыпал. А сам молчок. Но только жена Брюсова, как увидела молодого ученика, сейчас полюбила его. Ну и он оказался тоже парень не промах. Одним словом, закрутили они вдвоем любовь. Ну, он тоже брех оказался: все выложил Брюсовой жене. А та говорит:

– Не надо переделывать Брюса на молодого. А будем, говорит, жить вместе: ты будешь заниматься волшебными делами, а я по хозяйству управлять стану.

Вот ученик и взял себе в голову:

– Это, говорит, верно. Я, говорит, довольно обучен и буду как Брюс.

Но только ему до Брюса было очень далеко: и сотой части брюсовских наук не знал.

Ну, время идет. Народ удивляется:

– Что это, мол, Брюса не видать, не слыхать? И царь Петр Великий спрашивает:

– Где это девался Брюс? Раньше, говорит, каждое утро с рапортом являлся, а теперь не приходит?

А это, значит, такой рапорт: что он за ночь выдумает, то утром докладывает царю. Вот пошли от царя узнать насчет Брюса. А ученик говорит:

– Уехал на девять месяцев, а куда – неизвестно.

Ну, те и доложили царю. И тут девять месяцев кончились. Вот ученик и Брюсова жена выложили изрубленное тело, сложили по порядку. Ученик взял, этим составом полил. Куски срослись. Вот он вынимает из кармана пузырек с каплями. А жена Брюсова вырвала у него пузырек, да хлоп! – обземь и разбила.

– Теперь, говорит, пускай Брюс Страшного суда ожидает – тогда воскреснет. Довольно, говорит, я помучилась за ним, бродягой, пососал он моей кровушки вволю.

А ведь брехала, потому что он не бил ее. А тут, видишь, такая вещь: она молодая, в ней кровь играет, а он старый. Она бесится, а он без всякого, может, внимания, потому что ему и без этого полон рот дела. Конечно, если правильно рассуждать, на что ему молодая жена? Но только она больше виновата: ведь видела, за кого ты выходила? Или тебе, чортовой лахудре, платком глаза завязывали, когда выдавали за Брюса? Но только у нас такого закона нет. А тут, видишь, простая штука: она думала, что через Брюса ей будет почет – дескать, народ станет говорить: «Вон идет волшебникова жена». А народу и дела до нее не было никакого. Действительно, самому Брюсу от всех почет и уважение, ну, многие и боялись. А Брюс с ней под ручку по бульвару не ходил на прогулку. Вот ее и брала досада, вот в чем тут дело. А больше

всего, как она полюбила этого ученика, так и думала, что лучше его и на свете нет никого. Баба, и понятие у ней бабское.

И вот они вдвоем обрядили Брюса, в гроб положили и сговорились, как им брехать перед людьми. Вот она сейчас и подает известие:

– Головушка ты моя бедная!.. – завыла, заголосила…

Ну, народ стал спрашивать:

– Чего это Брюсиха завыла?

Ну, пришли люди, посмотрели – лежит Брюс в гробу… Ну, которые-то обрадовались: «А! – себе на думке. – Наконец-то черти забрали!» А все по глупости: думали, что он чорту душу продал. А тут только наука была. А которые понимали, те жалели и спрашивали:

– Когда помер? От каких причин?

Вот Брюсиха и принялась разводить свою брехню:

– Только, говорит, вчера приехал больной, а нынче помер.

Народ и верит. Смерть свое время знает. Доложили царю. Только он не очень-то поверил, пошел сам посмотреть. Вот приходит. А жена Брюсова еще пуще принялась выть, на разные голоса выделывала. Тут Петр Великий сразу догадался, что тут дело не спроста. И думает себе: «Баба через меру воет, значит, тут есть подлость и обман». И увидел он ученика, посмотрел на него. Знает, что он ученик, но только такой вид показал, будто не знает его.

– Ты, говорит, за каким здесь делом? Что тебе здесь требуется?

А тот испугался и говорит:

– Я Брюсов ученик.

– Как ученик? – спрашивает царь. – Ведь у него старый ученик. Ты, говорит, врешь! Ты самозванец.

А ученик говорит:

– Да ведь я тот самый и есть, но только Брюс переделал меня на молодого.

Спохватился было, да уж поздненько. Петр и говорит:

– Ну-ка, расскажи, как он тебя переделал.

Нечего делать – надо рассказывать. Тут он и принялся говорить, да во всем сознался.

– Я, говорит, не виноват, а меня подговорила вот эта мадама, – указывает на Брюсиху.

А она оправдывать себя начала.

– Нет, говорит, ты врешь, поганый прощелыга, от тебя, жулика, все огни загорелись!

А ученик на нее все сваливает. А царь слушает и вникает. Слушал, слушал и говорит:

– Я вижу, вы два сапога пара. У вас, говорит, анафемов, совместный уговор был погубить Брюса. Ну, говорит, если совместный, так и награда вам будет совместная.

Взять, говорит, их под арест!

И сейчас этому ученику и этой его любовнице белые ручки назад и потащили, куда следует. После того Петр приказал, чтоб Брюса с большим почетом похоронили. Потом ученику и Брюсовой жене отрубили головы. Но только народ нисколько их не жалел.

– Собакам, говорит, и смерть собачья.

Так и пропали эти живительные капли. Петр поискал, как похоронили Брюса. Много пузырьков нашел, а как без Брюса распознаешь? Без хозяина и товар плачет. А если бы не погубили Брюса, так, гляди, сколько бы он переделал стариков на молодых…

Записано в Москве в августе 1924 г., рассказывал уличный торговец яблоками Павел Иванович Кузнецов, уроженец Тверской губ.

Брюс и Петр Великий

Про Брюса не все правду говорят: есть и такие, что привирают многое. Иной пустослов напустит дыму, лишь бы людей обморочить… А доподлинная история про Брюса то из историев история. Подумаешь, до чего роскошный ум был у человека! И шел он по науке, и все узнавал. Умнейший из умнейших был человек!

А жил он тогда в Сухаревой башне. Положим, не вполне жил, а только была у него там мастерская и работал он в ней больше по ночам. И какого только струмента не было в этой мастерской! И подзорные трубы, и циркуля… А этих снадобий пропасть: и настойки разные, и кислота, и в банках, и в пузырьках. Это не то, что у докторов: несчастная хина, да нашатырный спирт, а тут змеиный яд, спирты разные! Да всего и не перечесть! И добивался человек наукой все постигнуть на свете: что на земле, что под землей и что в земле – хотел узнать премудрость природы.

А купечество московское не любило его, очень противен он был купцам. И не любили его купцы, собственно, вот через что: сидит, примерно, купец в своей лавке, торгует. У него на уме покупателя общипать, а тут глядь – на самого каркадил лезет… Такой огромаднейший каркадилище, пасть – во как разинул и так и прет на него. Ну, купец с перепугу вскочит на прилавок и заорет не своим голосом на весь квартал:

– Караул, пропадаю! Кара-ул!

И взбулгачит он своими криками народ. Вот и сбежится народ со всех сторон.

– Что такое? В чем дело? Чего ты разорался? А купец чуть не плачет и весь дрожит.

– Да как же, говорит, мне не орать, ежели каркадил слопать меня хотел?!

– Какой такой каркадил? – спрашивают. – Где он? Покажи!

Смотрит купец… нет никакого каркадила… И сам себе не верит. А народ смотрит на него и удивляется.

– Что же, говорит, это такое?

И не знает, как понимать ему об этом купце. Ежели бы сказать пьян, так этого не видать: человек совсем тверезый. Или сказать – полоумен, так опять же ничего такого не заметно: человек как будто при своем полном рассудке. Может, скуки ради озорничать начал? Так и на это не похоже: человек уже пожилой и борода седая. И примется народ ругать этого купца:

– Ах, ты, говорит, чорт новой ловли! Ах ты, бес прокаженный!

А купца стыд берет и опасается он, как бы по шее не наклали

ему. И сам не знает, что подумать: не спал и не дремал, своим делом занимался, а между прочим явственно видел каркадила. И народ тоже ничего не понимает.

А тут слышит – другой купец завопил:

– Караул, грабят! – и потому он так закричал, что видит, быдто полна лавка свиней набежала. Прибежали свиньи и давай буровить, давать копать, и рвут на клочья ситец, сукно… И видит купец – разор на него пришел, вся его мануфактура пропадает зря. Вот он и давай кричать, чтобы помощь ему дали. Ну, народ слышит – орет человек, надрывается, бежит к нему. Городовые в свистки свистят, пристав мчится, как рысак… Только смотрит – и тут ничего нет, и тут все в порядке, все благородно и никто не грабит купца. И опять все в удивление приходят:

– Ты что же, говорят, безобразничаешь? Кто тебя грабит? Разуй глаза, обуй очи – посмотри, где тут грабители?

А купец говорит:

– Да я не насчет грабителей, а вот, говорит, свинота меня одолела.

Смотрит народ – ну хоть бы одна свинья была.

– Да ты, говорит, видно, с перепою в белой горячке, или, может, маналхолия на тебя нашла. Ну, где эта твоя свинота?

Смотрит купец – нет свиней и товар цел. Тут пристав бац его в ухо.

– Подай, говорит, мерзавец, штраф за беспокойство! – и потянет с него пятерку.

Конечно, какой штраф! В собственный карман сунет, а не в казну. Не дурак, своего не упустит.

Ну, покончат с этим свинопасом, станут расходиться, а тут третий завыл. И все бегут к нему.

– Ты еще, спрашивают, чего?

– Да я, говорит, великана испугался…

– Какого, спрашивают, великана?

– Да вот, говорит, пришел в лавку великан и стал матерно ругать меня. Я, говорит, тебя, негодяя, в три погибели согну.

Ну, и тут то же самое: нет никакого великана. Народ примется ругаться.

– Да вы, говорит, все нынче перебесились.

А пристав свое дело знает: развернется да как чесанет в ухо купца, так у того аж колокола в башке зазвенят.

– Подай, говорит, штраф, шелапут ты этакий! – и с этого пятерик, а то и всю десятку потянет.

И вот раз происходит такая контробация, а понимающие люди идут мимо. Видят, народ собрался, галдеж поднял.

– Это еще что за синедрион такой собрался? – спрашивают.

Ну, им объясняют, какое здесь дело разыгралось. А они смеются:

– Эх, вы, говорят, скоты неразумные! Да ведь это, говорят, испытание натуры Брюс производит. А народ не знает, что это за испытание.

– А как, спрашивает, это испытание и в чем тут корень вещества?

А эти понимающие говорят:

– Об этом Брюса спросите.

Пристав, как услышал про Брюса, со всех ног бросился бежать.

– Ну его к шуту! – говорит. – Свяжись с ним, и жизни не рад станешь!

И как пристав задал тягуля, народ себе бросился врассыпную, кто куда попало.

А боялся народ Брюса от своего недопонимания, от того, что не знал, какое это бывает испытание натуры. А это – наука такая, тут требуется хороший ум, чтобы уразуметь ее. И это самое испытание натуры вот что означает: положим, возьми человека. Вот он живет, делом каким занимается, а то просто ворует. Но только ему и в ум не приходит, какой в нем есть магнит. Ему какой магнит требуется? Нажрался да спать, а нет – портамонет с деньгами из чужого кармана вытащить – вот какой его магнит. И выходит, что он, как свинья нечувствительная, не шевелит мозгами. Вот от этого самого он натуры не знает, да и где знать, ежели он как Божий бык? А Брюс знал и умел отводить глаза. А этот отвод вот что значит: вот, примерно, сидит человек и пьет чай, а Брюс сделает такое, и человеку этому представится, будто полна комната медведей. Вот это и есть испытание натуры. Всем наукам наука. И по-настоящему за нее Брюсу должна быть похвала, а купцы ругают его.

– Он, говорят, окаянный дух, в Сухаревой башне сидит, испытание натуры производит, а мы пугайся, кричи? Нет, говорят, это не фасон. Потому что, говорят, ежели мы будем каждый день кричать, народ скажет: купцы с ума посходили, и покупать у нас ничего не станет.

И как они обсудили это дело, сговорились ехать жаловаться царю Петру Великому. Выбрали людей, которые поразумнее, и отправили с жалобой.

Вот приезжают эти разумники к царю и свою жалобу рассказали. А Петр Великий такой был: не любил бумаги писать, а сам до всего докапывался.

– Надо, говорит, посмотреть, что это за испытание натуры такое.

И как приехал в Москву, взобрался на Сухареву башню. А Брюс только что собрался обедать идти. И как он отворил дверь, Петр ухватил его за волосья и давай таскать. А Брюс и понять не может, за что ему такое наказание от царской руки.

– Петр Великий! – кричит. – Да ты что это? Ведь за мной никакой вины нет!

– Врешь! – говорит Петр. – Есть: ты московскую торговлю портишь!

– Трепанул еще Брюса раза два, а может, и три, и после того рассказал про купцову жалобу.

Тут-то Брюс и уразумел, каким ветром нагнало на него черную тучу, тут-то и понял, через что, собственно, воспоследовало ему наказание от царской руки. И тут он принялся разъяснять Петру свою прахтику насчет испытания натуры. А Петр еще не знал эту иструкцию_ насчет отвода глаз и на дает веры словам Брюса.

– И как это, говорит, возможно, чтобы отводом глаз сделать каркадила? Тут, говорит, может, какая другая наука?

А Брюс на своем стоит:

– Раз я, говорит, сказал «отвод», значит, и есть отвод. А так как, говорит, тебя берет сумнение, то идем сейчас на площадь и там увидишь этот отвод.

– Ну, идем, – говорит Петр, – только смотри, Брюс, ежели ты подведешь пантомину насчет брехни, я тебя по зубам двину.

А Брюс только посмеивается.

И спустились они с башни, приходят на Красную площадь, а народ прослышал, что царь приехал, собрался его смотреть. Ну вот, хорошо… И как приехали на площадь, Брюс взял палочку и нарисовал на земле преогромного коня с двумя крыльями и говорит Петру:

– Смотри, сяду я на этого коня и вознесусь в поднебесье. А Петр молчит, только смотрит, не станет ли Брюс посыпать этого коня каким-нибудь порошком. Только нет, не посыпал, а только махнул три раза рукой и сделался этот конь живой и поднялся на небеса, а Брюс сидит на нем верхом, смотрит на Петра и смеется.

Задрал Петр голову кверху, смотрит на коня этого, и народ тоже смотрит и в удивление приходит.

Вот Петр смотрел, смотрел и говорит:

– Удивительное дело, до чего Брюс наукой дошел. Только слышит, кто-то позади него говорит:

– Петр Великий, а ведь я – вот он!

Обернулся Петр, смотрит – стоит Брюс и смеется. Тут Петр в большое удивление пришел.

– Что же, говорит, это такое? Был один Брюс, а стало два?

Только, говорит, не знаю, какой настоящий, какой поддельный?

А Брюс разъясняет ему:

– Я, говорит, есть настоящий, а который летает – одно лишь твое мечтание. И коня, говорит, нет никакого.

А Петр сердится:

– Как, говорит, нет? Не пьян же, говорит, я в сам-деле! Ну, Брюс не стал с ним спорить, а только махнул рукой – и не стало крылатого коня на небе. После этого Брюс и говорит:

– Вот это и есть отвод глаз. Что, говорит, я захочу, то и будет тебе представляться.

Вот, говорит, я сделал купцам отвод глаз, только они не вразумились и нажаловались тебе на меня, а ты, не разобрамши дела, ухватил меня за волосья и давай трепать.

А Петр говорит:

– Купцово дело можно поправить.

И отдал он приказ собрать всех купцов. И как их собрали, он и говорит:

– Вы вот нажаловались на Брюса, будто он вашу торговлю портит, а ведь зря: это не порча, а только отвод глаз. А так как, говорит, вы не вразумились, то у меня есть такой состав: как примете, сразу вразумитесь.

Купцы и думают, что он будет давать им брюсовские порошки или капли. И очень боятся, думают: от брюсовского состава добра не жди, примешь – и обернешься каркадилом или свиньей.

И говорят они Петру:

– Лучше штраф наложи, а лишь бы не этот состав.

– Нет, – говорит Петр, – что такое штраф? Заплатил, и опять без умственного понятия остался, а от моего состава ясность ума будет. Ну-ка, говорит, снимай по очереди портки да ложись.

И делает он распоряжение дать каждому купцу двадцать пять горячих. Ну, их сейчас разложили, и отпустили каждому. И как отполировали их, Петр говорит Брюсу:

– Пойдем-ка, Брюс, в трактир, чайку напьемся.

А он простецкий был, ему этого чох-мох не дал Бог, не разбирал, где пить чай: трактир – трактир, харчевня – харчевня, а не то чтобы беспримерно_ дворец.

Ну, а Брюс что? Чай пить – не дрова рубить, притом же приглашает не чорт шелудивый, а сам Петр Великий. Вот Брюс и говорит:

– Что ж, пойдем.

Вот приходят. Заказывает Петр чаю две пары, графинчик водочки. Вот выпили, закусили, после за чай взялись. Только Брюс и думает: «Неспроста, говорит, это Петрово угощение!» А не знает, к чему тот дело клонит. Вот Петр за чаем и давай Брюса

расхваливать:

– Это, говорит, ты умной штуки добился – глаза отводить. Это, говорит, для войны хорошо будет.

И стал объяснять, как действовать этим отводом:

– Это, примерно, идет на нас неприятель, а тут такой отвод глаз надо сделать, будто бегут на него каркадилы, свиньи, медведи и всякое зверье, а по небу летают крылатые кони. И от этого неприятель в большой испуг придет, кинется бежать, а тут наша антиллерия и начнет угощать его из пушек.

И выйдет так, что неприятелю конец придет, а у нас ни одного солдата не убьют. Вот Брюс слушал, слушал да и говорит:

– Тут мошенство, а честности нет.

А Петр спрашивает:

– Как так? Какое же тут мошенство?

А Брюс разъясняет:

– А вот какое, говорит, на войне сила на силу идет, и ежели, говорит, у тебя войско хорошее и сам ты командир хороший, то и победишь, а так воевать, с отводом глаз – одна подлость. Я, говорит, мог бы невесть что напустить на купцов, а сам забрался бы в ящик и унес бы деньги. Так это, говорит, будет жульничество.

А Петра за сердце взяли Брюсовы слова.

– Ну, ежели тут жульничество, зачем же ты, так-растак, выдумал этот отвод глаз?

А Брюс говорит:

– Я не выдумал, а так наука доказывает. Я, говорит, на свой манер повернул науку, вот у меня и вышло, а другой, говорит, как ни вертит ее, ничего у него вне выходит, потому что он скотина и поврежденного ума человек.

Только Петр не сдается:

– После таких твоих слов, говорит, ты есть самый последний человек. Ты, говорит, своему царю не хочешь уважить, и за это, говорит, надо надавать тебе оплеух.

Только Брюс нисколечко не боится.

– Эх, говорит, Петр Великий, Петр Великий, грозишь ты мне, а того не видишь, что у самого змея под ногами.

Глянул Петр – и взаправду змея у него под ногами. Как вскочит… Схватил стул, давай бить змею. А хозяин и половые смотрят, а подступиться боятся: знают, что он царь, и Брюса тоже знают.

И разломал Петр стул об пол. Смотрит – нет никакой змеи, и Брюса нет. Тут он и понял, что Брюс сделал ему отвод глаз. Отдал за чай и за водку – четвертной билет выкинул и сдачи не взял.

– Это, – говорит половому, – тебе на водку. – И поскорее вон

из трактира.

И сильно осерчал он тогда на Брюса. А тронуть его боится. И уехал ни с чем, а после жаловался:

– Он, говорит, из прохвостов. Правда, говорит, он самый ученый человек, а все же ехидина.

Ну, Брюсу передали царские слова:

– Ты, говорят, что же это наделал? Вон царь обижается на тебя.

А Брюс говорит:

– А что я наделал? Ничего, говорит, такого особенного от меня не было. Действительно, говорит, я по науке работаю. Только у меня этого нет, чтобы наукой на подлость идти. Вот, говорит, я умею фальшивые деньги делать, а не делаю, потому что это есть подлость. А Петр, говорит, чего добивался от меня? Он хотел, чтобы я помогал ему весь свет обманом завоевать, только я на это не пошел. Вот, говорит, через что его обида…

Ну, уж разумеется, Брюсовы слова передали Петру. А тот ругается.

– Ничего, говорит, пусть храбрится, так-растак! Но только, говорит, придет время и его черти заберут, и никакая наука ему не поможет.

Ну, это что? Понятно, каждый умрет, как придет его время, тут чертей в науку нечего примешивать… А только Брюсова смерть такая была: пропал он, можно сказать, дуром. Вот он и умный человек был, и ученый, а все же была в нем дуринка: своему лакею доверился, а тот и уложил его в гроб. И как это он не взял в свой ум, что прислуге нельзя вполне доверяться?.. Ведь это что за народец такой? Нынче ты для него хорош и он для тебя хорош. А назавтра погладь его против шерсти, он и ощетинится, выберет время и тяпнет тебя исподтишка. А Брюс не взял этого в расчет. Конечно, человек думал, как жил у него этот лакей много лет и ничего такого заметно за ним не было, – вот он и понадеялся на него, и доверил ему свой секрет.

А дело такое: мазь и настойку выдумал Брюс, чтобы из старого человека сделать молодого. И поступать надо было в таком порядке: взять старика, изрубить на куски, перемыть хорошенько и сложить эти куски как следует, потом смазать их мазью и все они срастутся. После того надо побрызгать этим настоем, этим бальзаном. И как обрызгал, станет человек живой и молодой. Ну, не так, чтобы вполне молодой, а наполовину. Примерно, было человеку 70 лет, станет 30. Это так по науке полагается. С наукой шутить нельзя: требуй от нее столько, сколько она может дать, а лишку потребовал – она сейчас на дыбы станет, и сколько ты ни трудись, все попусту будет, прахом

пойдут твои труды, потому что науке аккуратность нужна. А Брюс знал все это, умел, как обойтись с ней, вот от этого у него все выходило. А главное – голова, ум хороший был у него.

А было тогда Брюсу восемьдесят лет, и хотел он, чтобы стало сорок. И приказал он лакею, чтобы тот перерезал ему горло бритвой, изрубил на куски и чтобы эти куски перемыл и сложил по порядку, после того смазал бы мазью и уже после полил бы бальзаном. А лакей сделать-то сделал, да не все: бальзаном не полил, а взял, да разлил его по полу. И чего ради пошел он такое дело – и поднесь никто на знает. Зло ли какое было ему от Брюса или подкупил его кто – никому не сказал об этой причине. На что уж ученые профессора по книгам, по бумагам смотрели – ни до чего не докопались.

– Тут, говорят, лакеева тайна.

Разумеется, причина была, потому что как же так без причины убить человека? Что-то такое было…

Ну, хорошо… Вот он не полил бальзаном и не знает, куда спровадить мертвого Брюса. А тут как раз в эту пору приходят в башню Брюсовы знакомцы. Смотрят – лежит мертвый Брюс. Они и удивляются:

– Что же это такое? – говорят. – Ничего не слышно было, чтобы Брюс болел, а уже лежит мертвецом. – И спрашивают они лакея:

– Когда же это Брюс помер? А он говорит:

– Вчера поутру.

Они опять спрашивают:

– Почему же ты, подлая твоя харя, молчишь? Почему ты, анафемская сила, никому об этом не сказал? А он и не знает, что на это сказать.

– Да я, говорит, маленько перепугался.

Ну, они были не дураки – сразу увидели, что тут дело не чисто. Кинулись к нему, давай его бить:

– Признавайся, говорят, как дело было?

А он говорит:

– У него разрыв сердца произошел.

Ну, только они не верят:

– Брешешь, чортов мазурик! – И давай его головой об стенку стукать.

Он было крепился, да видит – мочи нет, и сознался:

– Мой, говорит, грех. Вот так и так произошло, – все рассказал.

Они спрашивают:

– А за что ты руку на Брюса наложил?

А он говорит:

– Хоть убейте, не скажу.

Они давай ему под бока ширять кулаками, давай по затылку бить. Только он не сознается. Вот они видят – человек уперся на своем, заковали его в кандалы, повезли к царю. Привезли, и рассказали об этом деле. А Петр так рассудил:

– Действительно, говорит, Брюс очень ученый был, это правда. Ну, говорит, и то правда, что ехидина из ехидин был. Он, говорит, очень зазнался и царской короны не признавал.

Это Петр за насмешку так говорил и за то, что Брюс не дал своего согласия на отвод глаз в военном деле. Не мог забыть он своей злобы.

– Правда, говорит, такая Брюсова судьба, чтобы от руки лакея смерть ему была, только все же, говорит, лакея никак прощать нельзя, а то, говорит, и другие лакеи станут убивать своих господ. И потому, говорит, надо сжечь лакея живьем, чтобы другим лакеям пример был.

И сейчас подхватили лакеишку под мышки, поволокли на площадь. И как притащили, стали жечь: костер огромаднейший разложили и стали поджаривать. А тогда простота-матушка была: ни этой Сибири, ни каторжной работы не знали, а рубили головы да живьем жгли. Этой волокиты и в помине не было. Вот и с лакеем долго не стали хомутаться: сожгли, и дело с концом.

А Брюса Петр велел похоронить:

– Оттащите, говорит, этого пса на кладбище, закопайте!

Вот как он благословил Брюса! Видно, солоно пришлось ему от Брюсовой насмешки!

Ну, похоронили Брюса, а Сухареву башню Петр приказал запечатать. После-то ее и распечатывали не раз, Брюсовы книги искали, да не нашли. И как найдешь, ежели они в стене замурованы? Станешь стену ломать – башня завалится, – вот и не трогают ее, пусть, мол, стоит.

Как Брюс с царем поссорился

Раньше Брюс жил в Петрограде, да царь Петр выслал его в Москву за одну его провинность: на царском балу, во дворце, он устроил насмешку. А эта насмешка такая. Приехал на этот бал Брюс, а уж был хватемши, да мало-мало до настоящей припорции недоставало. Вот он подошел к буфету, взял бутылку вишневки и давай прямо из горлышка сосать. Сейчас лакузы [*т. е. лакеи*], разная эта шушера-мушера побежали царю жаловаться.

– Брюс, говорят, пьяный напился и безобразничает: прямо изо всей бутылки наливку вишневую пьет, а тут дамский пол, генералы…

Вот царь подходит к Брюсу и говорит:

– Ты что же хамничаешь? Нешто рюмок нет, что ты из бутылки прямо тянешь?

Ты вот, говорит, вместо того, чтобы охальничать, устроил бы какую-нибудь потеху, а гости посмеялись бы…

– Ну ладно, – говорит Брюс, – устрою тебе потеху. И устроил. Понятно, с пьяных глаз…

Эта публика, разные там графы да князья, генералы, женский пол, эти барыни под музыку плясали-танцевали… Все одеты хорошо, все шелка да бархат, одним словом, шико… Вот Брюс махни рукой. И тут видят эти самые господа, которые по паркету кренделя выделывали, что на полу отчего-то стало мокро… По первому-то разу подумали, что беспременно грех с кем-нибудь случился… И-и пошло у них тут «хи-хи» да «ха-ха»… Но только видят – идет вода из дверей, из окон, падает с потолка… И завизжали, загорланили…

– Потоп! Потоп!

Они думали, что это петербургское наводнение. Нева из берегов вышла, весь город потопила. И началась тут потеха! Эти госпожи барыни платья задрали, а генералы да князья кто на стул взобрался, кто на стол, кто на подоконник… И все вопят, орут, – думают, что им конец подошел. Только царь знал, что это Брюс сделал отвод глаз, и кричит он ему:

– Брюс, пьяная морда! Брось свои штуки!

Вот Брюс опять махнул рукой – и смотрят все: нет никакой воды, везде сухо. Но только господа эти стоят на столах, на стульях, а барыни задрали подол… Тут все поняли, что Брюс над ними шутку подшутил, и стали жаловаться царю, дескать, Брюс на нас такую срамоту нагнал – разговор на весь столичный город Петербург выйдет. А Петр им говорит:

– Вы как веселились, так и веселитесь, а я с Брюсом

расправлюсь.

Подозвал Брюса и принялся ему выговаривать:

– Нешто, говорит, я такую потеху приказывал делать? Ты, говорит, моих гостей осрамил.

А Брюс в ответ говорит царю:

– Не велика, говорит, штука русский квас: копейка стакан! А что касается твоих гостей, то, по мне, они есть собрание сволочей.

Тут Петр осердился:

– Не смей, говорит, выражаться! Я, говорит, с улицы не собираю всякую сволочь.

Ты, говорит, напился, ты пьян!

А Брюс смеется:

– Немножко, говорит, заложил за галстук. Но только, говорит, скажу, что пьяница проспится, а дурак никогда!

Тут Петр и спрашивает:

– Так это, по-твоему выходит, что я дурак?

А Брюс отвечает:

– Я тебя не ставлю в дураки, а только меня досада берет, что ты взял под свою защиту этих оглоедов.

Ну, слово за слово. В голове-то Брюса зашумело, он и наговорил много лишнего. Тут еще больше рассердился царь.

– Я, говорит, вижу, ты чересчур много о себе понимаешь: все у тебя дураки, одного себя ты умным выставляешь. Ну, ежели, говорит, все дураки, а ты один умный, то нечего тебе промежду дураков жить. Завтра поутру пришлю тебе подводу и отправляйся в Москву, живи в Сухаревой башне.

Вот после такого приказа Брюс и отправился домой.

– В Москву, так Москву, – говорит Брюс.

А царь все-таки думал, что Брюс проснется и придет прощения у него просить. Только утром ждет – Брюс не приходит. Вот он сам к нему направляется. А Брюс забрал с собой свои книги, бумаги, подзорные трубы и все свои причиндалы, которые нужны по его науке, и сел в свой воздушный корабль. А у него такой корабль был, вроде как теперь аэропланы… Ну, сел в этот корабль. А Петр бежит и кричит:

– Стой, Брюс!

Только Брюс не послушал, надавил кнопку, корабль и поднялся. Взяло тут Петра большое зло, выхватил он пистолет – ба-бах! в Брюса… Но только пуля отскочила от Брюса и чуть самого царя не убила. А Брюс кричит с корабля:

– Ваши пули для нас ничего, а вот от наших, говорит, мыслей вы покоробитесь!

И взвился корабль его птицей. А народ собрался, смотрит и

крестится:

– Слава тебе, Господи, – говорит. – Унесли черти Брюса от нас.

Невежество, понятно. Ведь у этого народа какое понятие про Брюса было? За колдуна его почитали, и думали, что он все болезни на людей насылает. Теперь дури в России много, а раньше еще больше было. Ну, только какое дело до этого Брюсу? Колдун? Ну и пусть. А он свой путь исправно на Москву направляет. И вот прилетел, закружился, как коршун, высматривает, где Сухарева башня стоит… Высмотрел и опустился. Тут полны улицы, полны площади народа… Кто радуется, а больше все ругают:

– Не было, говорят, печали, черти накачали: нелегкая Брюса принесла.

А Брюс принялся в башне работать. Тут один генерал приходит и стал выпытывать, что тот приготавливает. А Брюс говорит:

– Да тебе-то что? Ну, приготавливаю. Можешь ли это понять? Я, говорит, в твои дела не вмешиваюсь, ничего от тебя не выпытываю.

А генерал говорит:

– Мое дело иное – я генерал.

– Ну, и я генерал, – говорит Брюс. А генерал смеется:

– Какой, говорит, ты генерал? Ты кудесник. Тут Брюс и разъяснил ему:

– Ты, говорит, по аполетам генерал, а я по уму генерал. Сорви, говорит, с тебя аполеты, кто скажет, что ты генерал? Дворник, скажут.

Тут генерал рассердился и давай его ругать.

– Ежели, говорит, на то пошло, я твою башку к чертям разнесу! Наставлю, говорит, орудии, да как тресну, так от тебя, стервы, только клочья полетят.

Брюс на это отвечает:

– Ежели я стерва, так зачем ты пришел ко мне? Пошел, говорит, прочь! – и в шею выгнал генерала.

Вот этот господин генерал, его превосходительство, и распалился, помчался в казарму и отдал приказ, чтобы немедля разбить из орудий Сухареву башню. И сейчас привезли пять орудий, наставили на башню… Вот скомандовали: «пли!» И ни одна пушка не выстрелила. Принялись солдаты мудрить и так, и этак – ничего не помогает, словно это не пушки, а бревна. А Брюс стоит на башне, смеется и кричит:

– Вы – дураки! Зарядили песком орудия и хотите, чтобы они дали огонь.

Генерал приказал разрядить одно орудие. Разрядили. Смотрят – вместо пороха песок и в других то же самое. А народ, который тут собрался, говорит генералу:

– Вы, ваше превосходительство, лучше увозите свое орудие, не то, говорят, Брюс того вам наделает, что век не человеком будете.

Тут генерал и того… испугался и скомандовал, чтобы уводили орудия в казарму. А как привезли, смотрят солдаты – порох настоящий в орудиях. Доложили генералу. А он и руками машет:

– Ну его к чорту, этого Брюса, говорит, с ним только грех один. – И отступил от Брюса.

Да мало ли еще проделывал Брюс… Вон Лев Толстой говорил: «Брюс на всю Россию был самый чудесный человек». И верно. Ведь иной-то и не поверит, какой он был искусник.

У него служанка была, сделанная из цветов: подавала, комнату убирала. Теперь вот доискиваются до этого секрета и дойти никак не могут: локомотив плохо действует.

А Брюс-то вон как шагал: на тысячу лет вперед погоду предсказывал. А теперь эти самые барометры. Посмотришь – одно только смехотворство. Указывает стрелка: «ясная погода». А на дворе-то жарит дождище как из ведра. По мостовой реки бегут. Что же это, мол, ваш инструмент врет? Говорит: «ясная погода», а вон какой хлещет дождь! Или, по-вашему, называется это прекрасная погода?

– Да тут, говорит, что-то винтик в каприз ударился.

– И примется крутить этот винтик. – Теперь, говорит, в полной исправности.

– А что, спрашиваю, показывает?

– Да теперь, говорит, на завтрашний день предрекает: «пасмурно, а к вечеру дождь».

Ну, утром встаешь… Солнце – и ни единой тучки!.. Ну, думаешь, к вечеру дождь соберется… И вечером хорошая погода, и заря ясная… – Что же это, мол, наше здоровье, механизм-то ваш подгулял? Вы бы салом его смазали, что ли…

– А чорт его знает, что он врет! Только, говорит, зря деньги загубил на такую дрянь! – да обземь его… И вылетели винты, стрелки, пружинки дурацкие, крючочки – этот поганый механизм…

А почему он действует с обманом? А все по единственной причине: слаба гайка – дойти не могут и только пыль в глаза пускают. На словах – мастера: все теория-матушка отдувается, а как практики коснется, то и примутся выдумывать эти стрелки, стержни. Понятно, без теории практики не бывает, но практика

теорию побивает. А у Брюса всегда теория с практикой сходилась. Вот от этого самого и ошибки не выходило… Ну, и голова на плечах была, а не тыква!

А вот насчет смерти его не знаю, как и сказать: тут надвое рассказывают. Одни говорят, что лакей не полил его живой водой. Это будто он выдумал живую и мертвую воду, чтобы стариков превращать в молодых. Вот взял, изрубил в куски своего лакея. А тот лакей был старый… Ну, изрубил, перемыл мясо, полил мертвой водой, все тело срослось, полил живой водой – лакей стал молодым. Потом Брюс сам захотел помолодеть. Научил лакея. Вот изрубил его лакей, полил мертвой водой – тело срослось. А живой водой не полил. Ну, видит – умер, похоронили…

А вернее всего он улетел, потому что ежели бы он умер, то остался бы воздушный корабль, а то его нигде не могли найти. Это так и было: сел на корабль и полетел, а куда – неизвестно. И трубы забрал с собой. Вот начальство видит – нет Брюса, и написало царю: «Брюс неизвестно куда девался, какое распоряжение будет насчет его книг, порошков?» А Петр написал: «Не трогать до моего приезда». Через сколько-то времени приезжает. Заперся в башне и трое суток рассматривал книги, порошки. Туда ему обед и ужин подавали. А народ собрался, ждет, что будет. Вот на четвертые сутки приказывает царь вылить в яму все эти Брюсовы жидкости, а порошки сжечь на костре, книги и бумаги замуровать в стену этой самой башни.

– Но, говорит Петр, главных-то книг нет. Должно быть, спрятал в потаенном месте.

Ну, замуровали. И приказал царь запереть башню на замок и сам печати к двери приложил сургучные. И приказал поставить часового с ружьем. И уехал царь, и тут вскорости помер.

После него другие царствовали. А только у Сухаревой башни все ставят часового. Вот стала царствовать Екатерина Великая. Докладывают ей насчет Сухаревой башни. Она говорит:

– Не я ее запечатывала, и не мне ее распечатывать. А часовой, говорит, пусть стоит. Как, говорит, заведено, так пусть и будет.

Ну и другие цари такой же ответ давали.

Вот взошел на престол Александр Третий. Был он на коронацию в Москве. Едет осматривать город и проезжает мимо Сухаревой башни. Часовой встал на караул – честь отдает. Вот царь спрашивает генерала:

– А что хранится в этой башне? А генерал отвечает:

– Не могу знать.

Царь приказал кучеру остановиться, выходит из коляски, спрашивает часового:

– Что ты, братец, караулишь?

– Не могу знать, ваше императорское величество, – говорит часовой.

Смотрит царь – висит замчище, может, фунтов в пятнадцать, и семь печатей сургучных со шнурами привешены. Стал спрашивать генералов – ни один не знает, что в этой башне хранится. Время-то прошло много, как она запечатана была. Которые знали, те давно поумирали, а новым эта башня без надобности. Вот царь требует ключ. Кинулись искать. А где его в чертях найдешь, когда его и в глаза никто не видел, какой он есть! Тут генерал объяснил:

– Это, говорит, по неизвестному случаю башня запечатана, а где находится ключ, тоже никому не известно.

Рассердился царь.

– Что за порядки, говорит, такие дурацкие: не знают, что в башне хранится! Тащи лом, командует, тащи молот!

Живо притащили. Засунули лом… Только не поддается замок.

– Бей молотом! – командует царь. И принялись наяривать молотом по замку.

Насилу сбили с двери. Ну вот, отворили дверь, входит царь, смотрит – все пусто кругом, стоят голые стены и больше ничего. Тут царь опять рассердился:

– Какого же, говорит, чорта здесь караулили? Пауков, что ли? Только, говорит, это не такая драгоценность, чтобы из-за такой сволочи ставить караул!

Да тут пришло ему в голову постучать в стену. Постучал – слышит, будто отдает пустое место. Приказал позвать каменщика. Притащили их целый десяток.

– Выламывай стену! – приказывает царь.

Ну, выломали. Смотрят – лежат книги, бумаги. Царь удивился.

– Что же это за архив такой секретный? – спрашивает. Генералы в один голос отвечают:

– Не можем знать!

Посмотрел царь, что напечатано, – ничего понять не может. Смотрели и генералы – тоже ни в зуб толкнуть. Посылает царь за профессорами. Набралось их много. Принялись разбирать. Уж как они ни старались, чтобы перед царем отличиться, – ничего не выходит, не действует механизм!

– Это, говорят, какие-то неизвестные книги. А царь сердится.

– Неужели, говорит, ни одного не найдется, который бы разобрал?

Тут говорят ему:

– Есть еще один старичок-профессор: если он не разберет, так никто не разберет.

Послал царь за этим старичком. Привозят его. Как глянул, так сразу и сказал:

– Это, говорит, книги Брюсовы, и бумаги тоже его.

А царь и не знал, какой-такой Брюс был, и спрашивает старичка:

– А что за человек был Брюс, что его книги и бумаги беспременно нужно было замуровать в башню?

Старичок и говорит:

– А это, говорит, вот какой был человек: такого, говорит, больше не рождалось, да и не родится. – И стал рассказывать про Брюса.

А царь слушает и удивляется.

– А ну-ка, говорит, почитай хоть одну книгу.

Вот старичок начал читать. Все слушают, а понять ничего не могут, потому что на каком-то неизвестном языке написано. Чорт знает, что за язык! Царь говорит:

– Хоть ты и читал, а понять ничего невозможно.

Тут старичок и стал объяснять эти слова. И все насчет волшебства. Вот царь и говорит:

– Ладно, теперь я понял, в чем тут дело, – это тайные науки. Только ты не читай их здесь, а поедем со мной – там мне одному прочитаешь.

– Это все, – говорит, – волшебство тут описано. Это Брюс разные волшебные составы делал.

Царь спрашивает:

– Откуда ты научился книги такие читать? Сколько, говорит, профессоров, ни один не знает, а вот ты выискался, что и про волшебство знаешь.

А старик говорит:

– Я до всего доходил.

– Значит, говорит царь, ты много знаешь? Ну так, говорит, поезжай со мной – послушаю я твою премудрость. – И забрал все книги Брюсовы, бумаги и того старика…

Уехал, и ничего неизвестно, что стало с этим стариком и книгами – и приказал забрать эти книги и бумаги, положить в коляску.

Взял старичка с собой и поехал. И где теперь эти книги, бумаги, где старичок – никто не знает, нет ни духу, ни слуху.

Записано в Москве 8 сентября 1924 г. Рассказывал старик-печник Егор Алексеевич, фамилию не знаю.

Брюс и волшебная наука

Был этот Брюс умнейший человек, ученый: волшебную науку постиг лучше и некуда. Ну, и прочее. Какая видимость на земле, какая на небе – это мог определить, что к чему принадлежит. Ну, тут и так, и этак толковать можно, у каждого свой ум. А вот как он свою волшебную науку показал, так это на удивление: живую женщину сделал из цветов: ходила, работала, прислугой у него была, только говорить не могла. А Брюсова жена приревновала к нему эту прислугу.

– Ты, говорит, с нею живешь.

А Брюс смеется:

– Эх, говорит, Дурында Ивановна, ничего не понимаешь.

Ну, та все свое, давай его грызть, давай пилить каждый день:

– Не без того, говорит, ты с ней живешь.

Вот раз при гостях и начни она его срамить.

– Бесстыжие, говорит, глаза: от законной жены откачнулся, с прислугой связался.

Взяла тут досада Брюса.

– Эх, говорит, дуреха, да и мозги твои дурацкие. Посмотрика, какая это прислуга! – Взял, да и вынул железный стержень у прислуги из головы. Она тут вся цветами и рассыпалась. Жена, гости: ах-ах! А жена говорит:

– А я думала, она из тела сделана.

Ну – баба, какое у нее понятие о такой науке?

А только нашлись такие шпионы поганые, – может, из гостей и были, – донесли царю про это Брюсово рукомесло, про цветочную женщину. А царь не любил Брюса и не любил вот за что: Брюс сделал над ним волшебную насмешку. Он хотел шутку подшутить, а вышла насмешка. А какая это была насмешка – точно рассказать не смогу. То ли он царя в дураках оставил, или еще что… не знаю… А какой был царь – тоже сказать не сумею, только не Петр Великий.

Ну, значит, эти мазурики-шпионы донесли царю. А царь говорит:

– Этот проклятый Брюс – бельмо у меня на глазу. Пойдите, говорит, хоть обманом поймайте его и приведите под конвоем.

Хм… «поймайте»… Не таковский Брюс был, чтобы попасть в клетку: царь только сказал, а он уже знал, что ловить его собрались. Царь думал обманом взять его, а Брюс сам всех обманул.

Ну, полиция и направилась прямо к Брюсу в дом. А жил Брюс на Басманной – дом и теперь цел. И в доме этом в стену вделана

гробовая доска – крышка от гроба, и на ней крест, а повыше доски надпись сделана, только не нашими буквами, а какие это буквы – никто не знает и прочитать никто не может. Собрались профессора, посмотрели и отвернули нос: не вкусна говядина, не по зубам. Ну, прочесть не сумели, давай Брюса ругать: накрутил, нацарапал, сам чорт не поймет! И немцы, и англичане приезжали разбирать надпись, и французы… Ничего у них не выходит.

– Нет, говорят, не нам читать это надписание.

Ну и приказание было закрасить эту надпись и гробовую доску. И сколько раз закрашивали, а никак закрасить не могут: нынче закрасят, а назавтра доска и надпись опять выступают. Вот она какая тут волшебная наука!

Ну, хорошо… Вот, значит, полиция пришла в Брюсов дом. Пристав и спрашивает жену:

– Где Брюс?

Она говорит:

– Из Москвы уехавши. К вечеру вернется.

А это Брюс научил ее так говорить. Вот пристав и пошел ловить Брюса по заставам. Ну, разослал на пять застав. Смотрит – сам Брюс едет. Тут пристав подкрался, ухватил Брюса.

– А-а, говорит, попался, милачок!

А Брюс ничего: попался и попался, и не вырывается, стоит смирно. Только смотрит пристав – волокут еще одного Брюса. Он и рот разинул.

– Что же это такое? – говорит. – Откуда взялось два Брюса? А тут и третьего притащили. Да так на пяти заставах пять Брюсов и наловили. И все как один, точка в точку, и обличьем, и одеждой, и голосом. Пристав и глаза вылупил, и понять ничего не может – как ошалелый стоит.

– Кто же, спрашивает, из вас настоящий Брюс?

А Брюсы смеются:

– Да мы, говорят, все настоящие, все сами по себе.

Вот тут и разгадывай – где настоящий. Ну, что тут делать приставу? И ничего придумать не может. Ведет к царю всех Брюсов: пусть, мол, сам ищет настоящего. Вот приводит:

– Так и так, эмператорское величество, говорит, наловил я, говорит, на заставах пять Брюсов, а какой из них настоящий Брюс – не мог дознаться.

Посмотрел царь на этих Брюсов, и зло его взяло большое:

– Ну и стерва же, говорит, этот Брюс, ишь, на какие штуки ударился! Ну как, говорит, отыщешь тут настоящего Брюса, ежели все они один в один? Только, говорит, одно и остается: взять, да и перестрелять всех из поганого ружья. Да и то вряд ли настоящего убьешь: уйдет, говорит, проклятый, козявкой обернется и уйдет, а

безвинные люди смерть примут… А я, говорит, не хочу грех на душу брать.

Думал, думал:

– Гоните, говорит, всех вон – добра нечего ждать от них!

Ну, кинулись к Брюсам – кого в шею, кого по затылку.

Побежали пятеро, а стало четверо, и ведь совсем они не Брюсы, а царские генералы. А это Брюс нарочито обернул их Брюсами, чтобы царю досадить. Ну, стало четверо генералов, а настоящий-то Брюс пропал.

Еще больше взяло зло царя.

– Я, говорит, так и знал, что тут подлость. Ишь, говорит, что выкинул!

А генералы вернулись и жалуются:

– Когда же, говорят, эмператорское величество, посадишь проклятого Брюса на цепь?

А царю и без них тошно. Как закричит:

– Вон из моего дворца! Генералы и помчалились.

А Брюса пристав все же накрыл: сидит в пивной и пивцо попивает.

– А-а, – говорит пристав, – вот где настоящий Брюс!

А Брюс ему говорит:

– Ты вот что: отстань, а не то оберну тебя петухом – будешь на улице лошадиный навоз разгребать.

Пристав как дунет от него – испугался: свяжись, мол, с чортом и кукарекай целый век!

Вот он какой мастер был по волшебству! И все ведь наукой постигал. Ну, это что хитро, то хитро, а все же не настоящее. А настоящее вот какое у него было дело: из старых людей молодых делал. И никаким отваром не поил, а поступал великатно: увидит старика, сейчас перережет ему горло и давай его кромсать – всего на куски изрежет. После того польет одним составом – тело срастется, польет другим – и станет из старика молодой. Вот это наука, всем наукам наука!

Ну, только же она и погубила Брюса. Правду сказать, тут наука не виновата, а лакей Брюсов виноват – такая гадина был человек. Вот кому бы пулю из поганого ружья в затылок закатить – в самый бы раз!

Тоже и Брюса оправдать нельзя. Нашел, кому довериться в таком важном деле – лакею! А может, тут такая судьба Брюса была – пропасть ему от лакейской руки. Это, пожалуй, вернее будет…

А уж стар был Брюс – восемьдесят годов было. И говорит лакею:

– Изруби меня на куски. Сперва, говорит, вот из этого

пузырька полей, потом вот из этого, и стану, говорит, я юноша прекрасный.

Вот лакей изрубил его на куски. Из одного пузырька полил – срослось тело, а из другого не стал поливать. Побежал к царю… ну, может, не к самому царю, а к генералу, который при царе находился.

– Вот каким, мол, средствием я сделал конец Брюсу. Ну, отпустили ему сколько-то денег. А Брюса поскорее тайком похоронили – боялись, чтобы не ожил.

А книги Брюсовы приказал царь разыскивать и жечь. И которые нашли – сожгли… Только еще штук с десяток утаили… ну те, которые разыскивали: пристава, полиция. А самые главные книги под Сухаревой башней в сундуке железном спрятаны. В башне этой у него мастерская была. А из башни ход был проделан в подземелье. Тут вот, в этом подземельи у него главная мастерская была, там он и делал разные секретные составы. Да нетто в одном месте у него такое подземелье было? Он всю Москву избуровил, ходы проделал, как крот. А книги те и посейчас лежат там.

Записано мною в Москве 15 ноября (н. ст.) 1925 г. от крестьянина, ломового извозчика Ивана Антоновича Калины из Волоколамского уезда.